

ВЫЧИСЛИТЕЛЬ

ВЫЧИСЛИТЕЛЬ

ОРБИТА ДЛЯ ОДНОГО

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ВЫЧИСЛИТЕЛЬ

ОРБИТА ДЛЯ ОДНОГО

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г87

В оформлении обложки использован коллаж
художника *Вячеслава Коробейникова*

Громов, Александр Николаевич.
Г87 Вычислитель. Орбита для одного / Александр Гро-
мов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. —
(Кинофантастика).

ISBN 978-5-699-95005-8

Продолжение приключений легендарного Вычислителя, уникального математика Эрвина Канны, на планете Хлябь. Приговоренный к изгнанию в гиблое Саргассово болото, он выжил и вернулся — конечно, не для того, чтобы забиться в нору. Его оружие — интеллект, но любое оружие бессмысленно, если не находит применения. Остановит ли запредельный риск Вычислителя, который не мыслит себя вне Большой Игры? Что ему выбрать: спокойно и незаметно прожить жизнь на мирной планете или найти нерешаемую задачу и... решить ее? Для Эрвина тут нет вопроса...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95005-8

© Громов А.Н., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ТЯПКА

Шли вчетвером.

Впереди, спотыкаясь о камни, брела Кристи, следом кое-как тащился Эрвин. А позади них, то отпуская плоские шуточки по адресу задержанных, то понукая их резкими окриками, шагали два здоровенных — хоть на племя их пускай — патрульных. Тот, что был чуть пониже и пошире, носил капральские нашивки, второй прозябал в рядовом чине. Оба уже поняли, что задержанные дойдут куда надо на своих двоих, хоть их и шатает из стороны в сторону, как пьяных. Это хорошо, что могут идти. Для них хорошо. Тащить задержанных на себе служивые, конечно, не стали бы. Пристрелить их и спихнуть трупы в болото — вот и вся недолга.

Но нет, ты глянь — идут! Сами идут. Ну вот и ладно, лейтенанту будет о чем доложить наверх. Авось и патрульным перепадет какое-никакое поощрение. Кто сказал, что они не нужны и умеют только обирать местное население? Сам иди послужи на кордоне, умник! С местных и взять-то нечего, разве что девку какую затащить в лес. Так ведь тоже удовольствие на любителя: они ведь моются раз в год, и все, от малолеток до старух, в болячках от болотных миазмов! Их мужики смахивают на грязных дикарей и скорее стрельнут в спину, чем поделятся чем-нибудь. У половины все ценное давно отобрано бандитами, а вторая половина сама в сговоре с теми бандитами. Ну как, веселое место?

Плюс ко всему еще осужденные из числа особо везучих. Редко-редко, но случается так, что кому-нибудь из них удастся пробраться по болоту за пределы кордонного невода, и на этот случай приказ начальства велит изловить и доставить. При сопротивлении — шлепнуть, но лучше доставить. Забавно было бы поглядеть, как их сунут в очередную группу приговоренных к «вышке» и выпихнут на болото по второму разу...

Так думали патрульные или не так, Эрвин не знал. Сам он думал главным образом о том, чтобы не упасть. Знал: упадет — не встанет. Даже не попытается. Пусть стреляют в затылок. Не было ни сил, ни желания жить. Сколько можно цепляться за жизнь ногтями и зубами, вычислять оптимальную линию поведения, ловить мизерные шансы, проскальзывать в крошечные прорехи, раз за разом оставляя с носом людей и болото? Кто угодно устанет от такой жизни и однажды скажет: не могу больше, хватит. Кто-то раньше, кто-то позже — и только в этом главная разница между людьми.

Но он еще мог идти. И шел.

Зачем — не знал. Из-за Кристи? Из-за того что одно из определений понятия «жизнь» начинается словами «высокоустойчивое состояние вещества» и надо соответствовать прилагательному «высокоустойчивое»? Он не думал об этом. Сейчас он вообще ни о чем не думал. Ну разве что о холоде.

Он отдал Кристи штаны и куртку, сам оставшись в исподнем. Хорошее верхнее и хорошее исподнее не успело сгнить за недели симбиоза с язычником. Но то недели... Кристи досталось куда сильнее. Обрывки ее тюремной робы и штанов вообще расплзлись в гнилую труху. Сколько времени она провела в мертвой болотной жиже, дыша и питаясь через своего симбионта? Эрвин никак не мог сообразить, сколько времени про-

шло с того дня, как над подругой сомкнулась болотная топь. Полтора года или уже два? Подумалось, что это мелочи. Важны последствия. Ведь она нашла его, а он пересилил себя, последовав за ней, и в конце концов совершил невозможное, заставив своего издыхающего язычника вытянуть из болота и себя, и ее... В одиночку Кристи не справилась бы. Он опять спас обоих.

Она заново училась ходить. Он требовал, чтобы она опиралась на него, а она кричала, чтобы он не смотрел в ее сторону. Ее лицо сделалось одутловатым и белым, как мучной червь. Таким же было и тело. Он помог Кристи одеться, подвернул штанины и рукава. Отдал ботинки — пусть велики, но сойдут. Полцарства за маникюрные ножницы! Невероятно отросшие ногти пришлось грубо обломать. Оторванной от рукава полоской Эрвин перевязал ей в хвост отросшие волосы. Кристи понемногу успокоилась и даже сумела выговорить, не с первой, правда, попытки и очень невнятно: «Я порядочное чучело, да?»

— Ты жива, — ответил он. — Мы оба живы. — И почувствовал, что она вот-вот улыбнется.

Издыхающие язычники еще шевелились. В сером небе кружились падальщики. Язычник-самец отчаянно пытался уползти назад в болото, искал щупальцем опору, пытался схватить Эрвина, а потом сдался, приплюснутый к берегу силой тяжести. Эрвин помог Кристи отойти шагов на сто.

Слабы? Да. Голодны? Да. Два чучела? Тоже да. Зато свободны. «Мы снова люди, а остальное в наших силах», — мог бы радостно заявить Эрвин, но промолчал. Кристи и так все понимала. Она знала все, что он мог бы сказать ей, чтобы подбодрить.

Он просто помогал ей учиться ходить.

Будто заранее знал, что это умение пригодится ей раньше, чем она думает.

И сейчас Кристи шла, как умирающая от усталости сомнамбула, — опустив голову, шатаясь, волоча по мокрому песку ноги, — но все-таки шла. Она знала, что есть смысл бороться до конца, потому что рядом Эрвин Канн по прозвищу Вычислитель. Значит, шансы как минимум есть. Можно даже ставить три к одному на то, что они хороши.

Легко жить тем, кто умеет надеяться на то, о чем не имеет никакого понятия...

Береговой патруль появился значительно раньше, чем рассчитывал Эрвин. Он знал, что сам виноват. Надо было сразу уходить подальше от края болота, — что с того, что берег каменист и крут? В лесу, в скалах можно было остаться незамеченными. Дошли бы до какого ни на есть укрытия, если бы постарались. Как-нибудь доползли бы.

Другой на месте Эрвина сказал бы, что Судьба — подлая штука. Выбраться из болота далеко-далеко от края кордонного невода и уже спустя несколько часов попасться на глаза патрулю — тотальное невезение и явный перст Судьбы. Сдайся, человек, отдай себя течению, пусть несет. Ну что тебе еще непонятно?

Какая Судьба, какие персты?.. Эрвин думал лишь о том, куда поставить ногу, чтобы не упасть, да еще о том, что все повторяется: вот опять Кристи идет впереди, а он сзади. Только веревки нет. И рюкзачка. И одежда на ней не та. Но разве что-нибудь когда-нибудь повторяется в абсолютной точности?

Иных мыслей не было. Не было и удивления безмыслию. Разве он когда-нибудь мыслил по-настоящему? Нет, он только считал. Так было вернее. Лишенная математики мысль неэффективна, а порой и вредна. Го-

дится лишь на то, чтобы человек тешил себя иллюзией, будто он не животное, а нечто совсем особенное.

Болото медленно ползло на плотный песок, лизало черной жижей кучи мертвых водорослей на берегу. Начинался прилив. По окрику капрала ушли с песка на наклонную гранитную плиту. Она тянулась вдоль берега черт знает куда. Попадались невысокие уступы, валуны, каменная мелочь. Из трещин торчали пучки жестких травянистых растений. Гранитный берег мало-помалу повышался. Кристи шатало. Ей было трудно идти в гору. Стали попадаться трещины и расселины в полшага шириной, уходящие вглубь до основания гранитной плиты, — память о древних землетрясениях, ломающих гранит. Перешагивая через очередную расселину, Кристи наступила на штанину и, слабо охнув, упала. Как куль.

— Не стреляйте! Я подниму!.. Она пойдет!..

Слова сами выпрыгнули из гортани. Перешагнув расселину, Эрвин наклонился над Кристи. Он не был уверен, что сумеет помочь ей подняться и сам при этом удержится на ногах. А не удержится, упадет — вряд ли встанет.

Стоило столько мучиться, чтобы быть застреленными! Эрвин видел и слышал патрульных недолго, но достаточно, чтобы сделать вывод: эти не потащат задержанных на себе к флаеру. Где их флаер?.. Должен быть где-то неподалеку. По идее в нем должны скучать еще двое. Обычная практика: патрульный флаер садится, одна пара выходит размять ноги и заодно осмотреть берег, затем она возвращается, флаер перелетает на новое место, выходит вторая пара, а первая ждет...

Если эти двое не любители долгой ходьбы, то флаер где-то поблизости.

А если нет?..

Эрвин спиной чувствовал, как патрульные пребывают в задумчивости, не зная, что предпринять. Секунда — и будет принято решение. Время почти остановилось, медленно-медленно текли миллисекунды. Кристи лежала ничком. Ее тело было мягким, как у моллюска, и таким же инертным. Кровь капала на гранит из рассеченной скулы. Припав на колено, Эрвин изо всех сил тянул Кристи, взяв ее под мышки, и прекрасно понимал, что если даже и справится, на это уйдет куда больше одной секунды.

И эта секунда прошла. Но вместо ослепительной вспышки и вечной черноты следом за ней послышался хриплый, несколько удивленный голос:

— Глянь...

— Ого! — ответил второй патрульный. Затем кашлянул и сплюнул.

В этом месте обрывистый край гранитного массива выгнулся дугой прочь от болота. На пляже, еще не затопленном приливом, издыхал огромный язычник. Не самый гигантский — Эрвин видывал язычников и побольше, — и не поперечно-полосатый с мозговитым симбионтом, а обыкновенный тупой пожиратель всего, что бегает и ползает по зыбуну, один из настоящих хозяев Саргассова болота. Крупная самка нашла в обрыве гранитный выступ, чтобы, зацепившись щупальцем, вытянуть свое громоздкое тело на берег, отложить яйца и умереть. Ее разлагающаяся туша, вернее, то, что оставят от нее падальщики, послужит пищей малышам. Зрелище отвлекло патрульных. Один на всякий случай посветил прикрепленным к лучемету фонариком в расселину под ногами и потерял к ней интерес. Другой пустил луч в язычника — тоже, наверное, на всякий случай.

Моллюски не кричат, но взметнувшееся в воздух щупальце было страшнее самого ужасного вопля. Оно не дотянулось бы до патрульных, но те суетливо попятились. Если они и ждали опасности, то только со стороны язычника, а не из трещины и уж тем более не от двух полумертвых задержанных.

Люди часто ошибаются. А люди с оружием порой ошибаются даже чаще невооруженных. Они воображают себя сильными. Эрвин все еще пыхтел и стонал, пытаясь поднять обмякшую Кристи, а в его положении уже произошли серьезные изменения. Один из патрульных вдруг коротко вякнул, и Эрвин, оглянувшись, успел заметить, как он исчезает в расселине. Стукнул по камню лучемет. Второго патрульного уже не было. Из расселины послышались и стихли звуки короткой возни. Затем из нее высунулась лохматая голова и оглядела Эрвина и Кристи оценивающим взглядом:

— Кто такие?

Медлить с ответом не стоило.

— Мы... — Эрвин указал на болото, — оттуда...

— Осужденные?

Эрвин закивал.

— Еще раз соврешь — язык отрежу, — без особых эмоций посулил обладатель всклокоченной головы. — Скажешь, такой прикид у осужденных?

— У давно осужденных бывает еще и не такой, — возразил Эрвин.

— Что ты там бормочешь? Давно, говоришь?.. И как давно?

— В позапрошлом году, — сообщил Эрвин. — Или в прошлом? Какой сегодня день?

— Пасмурный, — буркнул лохматый и скрылся в расселине. С полминуты никто оттуда не показывался. За это время Эрвин сумел помочь Кристи сесть на

гранит и сел сам — спина к спине, как когда-то давным-давно сидели они, подпирая друг друга, на ящике посреди болота.

Посидеть вволю не пришлось — из расселины ловко выбрался человек в линялой военной форме без знаков различия. Быстро скользнул взглядом по двум непонятным людям и опустил ствол лучемета.

— С Гнилой мели? — спросил он.

— Нет. — Эрвин покачал головой.

— Тогда откуда?

— Ты все равно не поверишь, — сказал Эрвин, косясь на лучемет. Наверняка это был один из лучеметов злосчастных патрульных, и нападение на береговой патруль было затеяно местной бандой исключительно ради завладения оружием. Оставалось лишь неясным, кто этот человек — пахан или один из его ближайших подручных?

Ствол лучемета шевельнулся.

— Да-да, стреляй, — кивнул Эрвин. — Когда я скажу, откуда мы, ты обязательно нас прикончишь, потому что рассказывать тебе сказки — это наглость, за которую отвечают. Ну и чего тянуть?

— Говори. — И Эрвин понял, что перед ним пахан. Подручным, даже ближайшим, редко удается скрыть сладкое удовольствие от возможности покомандовать, они часто истеричны и всегда готовы поглумиться над беззащитными. Этот был деловит и, кажется, в самом деле хотел понять, не пригодятся ли на что нечаянные найденыши.

Эрвин глубоко вдохнул и подумал, что этот вдох может оказаться последним в его жизни. Ему было почти все равно, но жаль было Кристи. Она не заслужила того, что с ней сделают.

— Верь, не верь, мне все едино, — сказал он, — но мы пришли со Счастливых островов...

И сам увидел: ему удалось изумить пахана. Одно мгновение тот оторопело молчал, затем коротко рассмеялся сквозь зубы.

— Думаешь, я поверю?

— Нет, — сказал Эрвин. — Как раз этого я не думаю.

— Жить хочешь? — задушевно поинтересовался пахан. — Тогда говори правду. Откуда ты?

— Ты слышал. Это правда.

— Решил шутки со мною шутить? А знаешь, что я делаю с шутниками?

— Я не обещал, что ты поверишь.

Пахан погрузился в раздумье. Длилось оно не более секунды, и Эрвин за это время даже не успел подсчитать, насколько возросли его и Кристи шансы остаться в живых. Но твердо знал, что шансы растут.

— Никто еще не доходил до Счастливых островов, — сказал пахан.

— Откуда такие сведения? У тебя есть прямое сообщение со Счастливыми островами? Жаль, что я этого не знал. — Дразня пахана, Эрвин шел на риск и знал, что этот риск оправдан. — Я дошел. Юст Полярный Волк не дошел, а я дополз на карачках. Не веришь? Не верь. Но так было.

— Ты знал Юста? — В деловом тоне пахана Эрвин различил слабую нотку удивления.

— Я знал двоих, носящих это имя. Который из них тебя интересует?

В следующую секунду Эрвин понял: пахан не станет стрелять ни в него, ни в Кристи. Во всяком случае, пока. Но прошла еще целая секунда, прежде чем пахан сказал:

— Пойдешь с нами. Твоя баба двигаться может?

— Куда она денется, — подхватил Эрвин. — Уходить-то надо. Где-то неподалеку патрульный флаер, не думаю, что дальше мили отсюда. Зря мы тут торчим.

Пахан ничего не сказал, но явно придерживался того же мнения. Он нырнул в расселину, а Эрвин помог Кристи подняться.

— Молчи, — шепнул он ей. — Будь тушкой. Говорить буду я. Доверься мне.

— Я только это и делаю, — попыталась улыбнуться Кристи, и Эрвин почувствовал мимолетное раздражение. Оно прошло, когда Кристи добавила: — И не жалею.

«Еще бы тебе жалеть, — подумал Эрвин. — Но ты лжешь, как лгут все женщины, изображающие, будто послушно идут за мужчиной, и всегда держащие в уме свое. Ложь простодушная, льстивая, но действует.. на влюбленных и глупцов. Ты хоть помнишь, что я ни то и ни другое?»

Кое-как они сползли в расселину. Ставь ногу сюда, цепляйся тут, вот хороший выступ... К счастью, Кристи успела чуть-чуть отдохнуть. Достигли дна. Расселина здесь была такой ширины, что протиснуться удавалось только боком. Под ногами из слежавшегося слоя песка и занесенного сюда ветром лесного мусора торчали камни. Впереди маячили тени, доносились шорохи. Слышно было, как кто-то топает и дышит позади, почти наступая на пятки и, наверное, злясь на то, что пара чучел с болота плетется еле-еле. Полоска неба над головами мало-помалу сузилась в щель, затем и вовсе пропала, зато ход расширился. Пришлось пройти по мягкому, судя по ощущениям — по раздетым телам патрульных. Кто-то включил фонарик.

Готически-стрельчатый ход вел в глубь гранитного массива, как червоточина. Стены сочились влагой, пах-

ло обыкновенной затхлостью, очень приятной после смрада болота. Согнувшись, прошли под заклиненной глыбой, готовой, казалось, сорваться в любую минуту и раздавить кого-нибудь из особо невезучих. Эрвин не мог точно определить численность группы, но думал, что в ней человек пять-семь. Впрочем, без разницы, сколько их... Люди есть люди, и бандиты подчас не худшие из них. Там будет видно... Пока же Эрвин прилагал все силы, чтобы не упасть самому и поддерживать Кристи. Утруждая мышцы, он почти не утруждал мозги. Слушал, смотрел, впитывал, но не считал. Что считать, когда так мало данных? Бесполезное занятие.

Шли довольно долго. Удивительно, но расселина, закрывшись сверху, не спешила превратиться в узкую трещину, куда не проскользнет и намыленный. Прекратился лишь спуск, начался едва заметный подъем. В одном месте все-таки пришлось лезть в щель, и это упражнение едва не убило Эрвина. Никто и не подумал помочь ему протискиваться самому и протискивать женщину. Кристи совсем обмякла, она была не нужна, она была обузой, и обузой вредной, помехой в будущих расчетах. Когда не стало сил тащить ее, пахан молча вынул нож.

— Не торопись, — через силу сказал Эрвин, тяжело дыша. — Эту ошибку ты еще успеешь сделать.

— Правда? Думаешь, это будет ошибкой?

— Уверен. Потом поймешь.

Опять риск, но риск оправданный. От ответа пахана зависело многое, если не все, его ответ должен был стать последним элементом черного психологического портрета, так легко переводимого на математический язык. И последний элемент не заставил себя ждать.

— Считаешь себя шибко умным, да?